

map ^{K1} / 12489

Листъ

Поперекъ Новой Земли.

Л. Ф. Гриневецкаго.

(Читано въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 2 ноября 1883 г.).

На долю мою выпала высокая честь быть въ числѣ тѣхъ немногихъ избранниковъ, которые явились представителями Россіи въ международномъ дѣлѣ изслѣдованія полярныхъ странъ. Находясь въ качествѣ врача при полярной станціи въ Малыхъ Кармакулахъ на Новой Землѣ, я имѣлъ случай проникнуть въ мрачныя горы этой страны и перейти ее поперекъ по юго-юго-восточному направлению, съ западнаго ея берега на восточный.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію своей поѣздки, я считаю не лишнимъ, хотя вкратцѣ, упомянуть о раньше сдѣланныхъ попыткахъ перейти Новую Землю.

Первая попытка принадлежала, какъ извѣстно, прапорщику Моисѣву, во время зимовки его съ Циволькой, въ 1839 г., въ губѣ Мелкой.

Въ то время предполагалось, что Новая Земля состоитъ изъ трехъ острововъ; это значится даже и на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ. Думали, что такъ называемая губа Крестовая есть проливъ, противоположнымъ выходомъ котораго должны быть заливы Незнаемый или Медвѣжій. Съ цѣлью окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, прапорщикъ Моисѣвъ и предпринялъ свое путешествіе. Кромѣ того онъ имѣлъ въ виду, описавъ предполагаемый проливъ, продолжить опись, доколѣ возможно, и по восточному берегу Новой Земли. 3-го апрѣля Моисѣвъ, съ помощникомъ своимъ кондукторомъ Рогачевымъ и 9-ю матросами, отправился въ

путь. Пространствовавъ 16 дней, путешественники, не достигнувъ восточнаго берега, 19-го апрѣля вернулись къ своему зимовью, всѣ переболѣвъ глазами. Результатомъ этого путешествія было окончательное разрѣшеніе вопроса, что въ упомянутомъ мѣстѣ нѣтъ пролива, какъ думали Циволька и Башмаковъ.

Второе путешествіе къ восточному берегу Новой Земли было предпринято штабсъ-капитаномъ корпуса флотскихъ штурмановъ г. Тягинымъ, во время зимовки его въ 1877 году. Цѣль путешествія г. Тягинъ опредѣляетъ желаніемъ убѣдиться во 1-хъ, — возможенъ-ли переходъ черезъ горный хребетъ, тянущійся во всю длину острова, и во 2-хъ, — удостовѣриться лично, есть-ли въ дѣйствительности, въ чемъ не сомнѣваются промышленники, стада моржей и бѣлыхъ медвѣдей, скопляющихся для зимовки на восточномъ берегу южнаго острова?

Не считая себя въ правѣ передѣлывать чужой трудъ на свой лады, я представляю дословную выписку изъ рукописнаго труда самого г. Тягина, весьма любезно предоставившаго его въ мое распоряженіе.

„Рѣшено было“, такъ начинается г. Тягинъ, „отправиться въ горы 20-го числа (марта), если барометръ и примѣты не будутъ обѣщать восточнаго вѣтра. Однакожъ примѣты не благопріятствовали путешествію и самоѣды совѣтовали мнѣ выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для отъѣзда въ горы. Примѣты, т. е. перистыя облака, потянувшіяся отъ востока вѣрообразно прямыми линіями и чистый на западѣ горизонтъ, не обманули насъ: 21-го числа вѣтеръ разыгрался съ силой, превосходившей всѣ бывшіе штормы, и продолжался до 28-го числа; только 26-го нѣкоторое время какъ-бы боролся съ легкими порывами отъ запада, гдѣ съ этого дня на горизонтѣ образовалась полоса густой мглы“.

Прошло около 3-хъ недѣль, прежде чѣмъ г. Тягинъ могъ осуществить свое предпріятіе; наконецъ, 12-го апрѣля онъ, въ сопровожденіи двухъ самоѣдовъ, отправился въ путь.

„Двое саней“, продолжаетъ г. Тягинъ, „запряженные 5-ю собаками, нагружены были такъ: въ однихъ — провизія для собакъ, керосиновая кухня съ принадлежностями, 6 полѣньевъ дровъ и запасные для починки саней колья, топоры и заступы. На другихъ саняхъ находились: моя или, лучше сказать, наша общая провизія, инструменты и моего устройства палатка, состоящая изъ трехъ дуговидныхъ деревянныхъ обручей, на разстояніи 2¹/₂ футъ одинъ отъ другаго, обтянутыхъ сверху, снизу и сзади, за неимѣніемъ пару-

сины, полотномъ, продолжающимся кругомъ впередъ еще на 4 фута. Палатка эта имѣла то удобство, что могла устанавливаться на саняхъ, а въ сложенномъ видѣ занимала немного мѣста.

Хотя путь предстоялъ не многимъ болѣе 100 верстъ по картѣ въ одинъ конецъ, однакожъ зная трудности, съ которыми придется бороться, мы взяли провизіи на двѣ недѣли.

Вся наша маленькая колонія и бывшіе въ Кармакулахъ самоѣды проводили насъ версты за три и затѣмъ долго еще въ горахъ громкимъ эхомъ отдавались выстрѣлы самоѣдовъ, выражавшихъ намъ добрыя пожеланія.

Прямой путь черезъ горы не только лѣтомъ, но и зимою немислимъ, а потому мы направились на югъ вдоль горъ, по соединяющимся другъ съ другомъ 4 озерамъ и спустились въ рѣку Кармакулку, обследованную самоѣдомъ Өомой Вилки вверхъ на 20 верстъ.

Кармакулка, горная рѣка, падая извиристо, крутыми поворотами отъ ОЗО, представляла то узкость отъ 10 до 20 сажень, въ отвѣсныхъ аспидныхъ и плитняковыхъ скалахъ, то родъ озера со впадающими въ него нѣсколькими ручьями.

По обѣ стороны тянулись высокія, въ рѣдкихъ случаяхъ возможные для подъема, горы и хотя склонъ рѣки былъ мало замѣтенъ, но собаки съ трудомъ тащили сани, нагруженные по 7¹/₂ пудовъ безъ сѣдоковъ. Пройдя 15 верстъ, разумѣется пѣшкомъ, мы остановились на ночлегъ и здѣсь я испыталъ какъ свою палатку, устроенную на двухъ саняхъ, такъ и кухню, очень интересовавшую самоѣдовъ, а также большую предупредительность и любезность моихъ спутниковъ. Собакамъ была выдана ихъ порція заячьяго мерзлаго мяса; а вскорѣ и нашъ ужинъ былъ готовъ: онъ состоялъ изъ консервованныхъ щей, добавленныхъ вареной солониной и свиной, и чаю. Самоѣды ѣли щи прямо изъ кастрюли, я же налилъ щей въ металлическую тарелку, что при 15° морозѣ оказалось не практично. Послѣ ужина самоѣды, застлавъ снѣгъ парусомъ и прикрывшись имъ-же, вскорѣ притихли, я же въ своей палаткѣ продрогъ, не смотря на теплое платье, и не могъ заснуть; только утромъ уже, по совѣту самоѣдовъ, я, вытянувъ руки изъ рукавовъ, а голову просунувъ въ головное отверстіе малицы внутрь ея, дѣйствительно вскорѣ согрѣлся собственнымъ дыханіемъ и заснулъ.

Самоѣды-же тѣмъ часомъ обследовали мѣстность и замѣтили недавніе слѣды двухъ оленей и четырехъ песцовъ, направляющіеся на сѣверъ. Меня разбудили выстрѣлы самоѣдовъ, пробовавшихъ ружья.

Напившись наскоро кофе, варенаго въ той же суповой кастрюлѣ, мы пошли дальше. На 20-й верстѣ Кармакулки принуждены были остановиться почевать очень рано, встрѣтивъ поперечный, высокій и крутой хребетъ, развѣтвляющій Кармакулку на два рукава, падающіе отъ NNO и SSO. Мѣстность здѣсь представляла котловину, діаметромъ около версты, съ небольшимъ островомъ на срединѣ. Оставивъ здѣсь часть провизіи, мы, не желая дѣлать большого круга, рискнули, впрягая поочередно всѣхъ собакъ въ одни сани, съ общей помощью подняться по желаемому направленію на О. Этотъ утомительный трудъ, занявшій 11 часовъ времени, оказался напраснымъ, такъ какъ выбравшись на незначительно склоняющееся къ О плато горы, мы послѣ двухверстнаго пути вскачь очутились у поперечнаго, хотя и менѣе высокаго, но совершенно отвѣснаго обрыва къ большой долинѣ, протянувшейся отъ S къ N; въ этой долинѣ, огибая только что пройденную гору, берутъ начало оба рукава Кармакулки. Долину окаймляли горы въ особенности высокія и крутыя съ лѣвой стороны, направляясь отъ WNW къ OSO. При быстромъ поворотѣ отъ не замѣченнаго нами раньше обрыва, я выпалъ изъ саней вмѣстѣ съ вещами, въ числѣ которыхъ заключался и ящикъ съ инструментами, при чемъ, къ сожалѣнію, остановился хронометръ и разбились мои очки. На пути по этой же горѣ сломались вдобавокъ мои сани, потерялся шомполъ отъ ружья, пристали двѣ собаки... я назвалъ эту гору „Горой Несчастья“. Спуститься въ долину не было никакой возможности, а потому мы направились вдоль обрыва къ сѣверному склону горы; сани скатывались съ косогора и становились поперекъ пути. Придерживая ихъ съ помощью собаки, впряженной сбоку, мы дѣйствительно нашли возможность, хотя и съ большимъ трудомъ, спуститься въ долину; прошедъ ее, совершенно изнеможенные, расположились на отдыхъ у подошвы противоположнаго хребта горъ. Было 2 часа ночи, палъ туманъ, температура понизилась до—21,5 Ц. Собаки отъ усталости плохо ѣли, а отъ холода, покрытые инеемъ, жались другъ къ другу и дрожали. Предоставивъ самоѣдамъ заботиться о пищѣ, я забрался въ свою палатку; но, пока не напился горячаго кофе, не могъ согрѣться и заснуть. Нужно замѣтить, что кофе очень благотворенъ на морозѣ: согрѣвая постепенно и не туманя головы, кофе сравнительно со спиртными напитками дѣйствуетъ продолжительнѣе.

На слѣдующій день, 15-го апрѣля, не рискуя сдѣлать вчерашнюю ошибку, мы отправились въ обходъ горъ къ лѣвому хреб-

ту; у подошвы его нашли русло рѣки, по предположенію моему, верховье Большой Кармакули, которое привело насъ къ большому озеру, окруженному съ лѣвой стороны и спереди крутыми горами, а съ правой — пологими. На пути по обѣимъ сторонамъ, въ руслѣ рѣки, были видны ледники, состоящіе изъ множества тонкихъ слоевъ мутнаго льда.

Въ концѣ озера остановились на ночлегъ, а на другой день, поднявшись на восточную возвышенность, увидѣли съ другой стороны большую долину по длинѣ также расположенную отъ N къ S, но горизонтомъ значительно ниже какъ озернаго, такъ и первой долины. Оттѣняющіяся солнцемъ на снѣжной равнинѣ русла рѣкъ, направляющихся къ SO и NO и отлогіи видъ впереди лежащихъ горъ привели насъ къ заключенію, что мы находимся на вершинѣ западнаго склона Новой Земли. На перевалѣ мы оставили еще часть хлѣба и спустились въ долину.

Здѣсь былъ замѣченъ болѣе рыхлый снѣгъ и на глубинѣ двухъ аршинъ мы находили подъ снѣгомъ, какъ и на горахъ, частью сухой мохъ, но преимущественно мелкій щебень аспида. Вечеромъ палъ туманъ и заставилъ насъ подниматься на слѣдующій кряжъ по компасу, но спускаться мы не рѣшились и расположились на отдыхъ“.

„Я не могу“, продолжаетъ г. Тягинъ, „объяснить себѣ слѣдующаго явленія: ночью туманъ занималъ всѣ низменности, а утромъ сталъ подниматься не всей массой, а частями въ видѣ столбовъ, быстро удлинявшихся.

На другой день къ вечеру, поднимаясь по ущелью на слѣдующій кряжъ, собаки, не смотря на усталость, бросились съ лаемъ впередъ. Впереди дѣйствительно можно было отличить не смотря на метель, что-то черное, большихъ размѣровъ, похожее на избу. Мы зарядили ружья. Но по мѣрѣ приближенія предметъ казался все меньше и меньше и наконецъ собаки примчали насъ къ гладкому, почти правильно четырехугольному въ 2 сажени высоты и 1 сажень въ поперечникѣ, плитняковому камню. Камень былъ съ боковъ испачканъ птичьимъ пометомъ, а на покрытой снѣгомъ вершинѣ его замѣчалось много слѣдовъ полярной совы.

Въ ожиданіи, что на другой день погода будетъ лучше, мы остановились ночевать; но и самоѣды на морозѣ, да еще при вѣтрѣ, чувствовали себя не очень хорошо.

На другой день тотъ же противный вѣтеръ и метель не позволили намъ уйти далеко впередъ и заставили искать на эту ночь

болѣе удобнаго убѣжища. Наконецъ, уже въ 2 часа ночи, выбравши въ ущельѣ болѣе крѣпкій и высокій снѣжный рубанъ, мы общими силами вырыли въ немъ пещеру. Устье ея было высотой около аршина, а внутри помещеніе имѣло высоты 2 аршина, ширины $2\frac{1}{2}$ и длины 3 аршина. Работа наша потревожила первую, встрѣченную мною въ эту зиму песцовую мышь.

По окончаніи варки кушанья мы закрыли устье глыбой снѣга и парусомъ, и даже безъ верхняго платя чувствовали пріятную теплоту; только табачный дымъ и запахъ самоѣдскихъ костюмовъ заставляли меня время отъ времени поднимать парусину. Здѣсь впервые за все время нашего пятидневнаго путешествія мнѣ удалось хорошо поспать. Проснувшись поздно, я нашелъ еще одно удобство пещеры: давно взопедевшее солнце пропускало свой свѣтъ черезъ двухъ аршинную толщину потолка и даже стѣнъ, придавая имъ блѣдно-голубой цвѣтъ. Возможно было не только отличать предметы внутри, но даже писать и шить. Пока я спалъ, самоѣды успѣли обходить окрестности и, не замѣтивъ признаковъ близкаго присутствія оленей, не совѣтовали мнѣ идти дальше, ссылаясь на недостатокъ собачьей провизіи, а также и на то, что двѣ лучшія собаки совершенно изнемогли и почти у всѣхъ стерлась до мяса кожа на кистяхъ лапъ. Нужно замѣтить, что самоѣдскія собаки, не смотря даже на голодъ, не дотрогиваются до хлѣба, да и для насъ самихъ хлѣбъ составлялъ очень неудобную пищу. Промерзая, хлѣбъ какъ ледъ крошился подъ топоромъ и намъ приходилось свою дневную порцію оттаивать за пазухой, укладывая его туда заблаговременно.

Въ расчетѣ найти оленей на восточной сторонѣ Новой Земли, мы захватили съ собою провизіи для собакъ только на недѣлю, да и во всякомъ случаѣ для большаго запаса понадобились-бы еще третьи сани, ибо 5 собакъ могутъ везти грузъ болѣе 8 пудовъ только по ровному мѣсту; поэтому свѣденія самоѣдовъ объ оленяхъ очень смутили меня: путешествіе съ обезсиленными трудомъ и голодомъ собаками даже назадъ, домой, было-бы разумѣется весьма рискованно; тѣмъ не менѣе я уговорилъ самоѣдовъ воспользоваться хорошей погодой и хотя еще сутки пройти впередъ.

Въ видахъ сбереженія остатковъ заячьяго мяса, я для продовольствія собакъ пробовалъ обливать хлѣбъ нашимъ бульономъ; но и эта мѣра оказалась напрасною, такъ какъ онѣ осторожно глодали только верхній слой хлѣба. Для помощи больнымъ собакамъ я смачивалъ вату въ растворѣ арники со свинцовой водою, а самоѣды

накладывали ее на стертые лапы и обвязывали тряпками. Къ сожалѣнію собаки, не привычныя къ такой обуви, скользили, а не шли въ упряжкѣ, а потому я вынужденъ былъ оставить повязки только у двухъ обезсиленныхъ собакъ, спущенныхъ на волю. Скоро, выбравшись на передній кряжъ, мы окончательно рѣшили ограничить наше путешествіе впередъ этимъ послѣднимъ высокимъ пунктомъ на пути къ О. Все видимое пространство впереди, отъ ONO до SO, представляло снѣжную равнину, изрѣдка въ буграхъ, и солнце отбѣняло на ней нѣсколько руслъ рѣкъ, тянувшихся преимущественно къ OSO. Равнину эту окаймляли съ сѣверной и южной стороны красивыя горы, превосходящія высотой пройденныя нами; особенно отличались высотой два конусообразные, съ срѣзанными какъ-бы верхушками шпича на NNW и NtO. Всѣ горы, какъ на западномъ склонѣ Новой Земли, такъ и видимыя на NNW и NtO, рѣзко чернѣлись своими безснѣжными верхушками съ восточной стороны; впереди-же, на равнинѣ, не было видно ни одного чернаго пятна и только на горизонтѣ клубился туманъ, направляясь отъ N къ S. Самоѣды эту полосу тумана предполагали надъ Карскимъ моремъ; я однакожь сомнѣвался въ этомъ, основываясь на томъ, что по счисленію до моря оставалось еще 35 верстъ.

Къ сожалѣнію испорченный хронометръ не позволилъ мнѣ опредѣлить широту и долготу этого пункта, а путешествіе по ущельямъ мѣшало произвести хотя приблизительную триангуляцію.

Рѣшившись ограничить наше путешествіе этимъ пунктомъ, мы водрузили здѣсь въ камни шесть и отправились обратно. Собаки какъ-бы сознавая это, быстро помчались по своимъ сохранившимся еще слѣдамъ, отыскивая ихъ лучше нежели мы сами.

Поднявшись на перевалъ и спустившись на озеро, мы къ общей радости нашей замѣтили много оленьихъ и песцовыхъ слѣдовъ, направляющихся на сѣверо-западъ. Замѣчательно то, что олени, судя по слѣдамъ, какъ бы не рѣшались перейти нашу старую колею и направлялись вдоль ея на западъ. Собаки, почуявъ свѣжій слѣдъ, съ воемъ несли насъ со скоростью, равняющейся лошадиному бѣгу. Спустившись въ долину, мы хотя и увидѣли сзади себя стадо оленей, но по совѣту самоѣда Оомы не тревожили ихъ на томъ основаніи, что, во первыхъ, охота заняла-бы много времени, а у меня и у Логгея сильно разболѣлись глаза, во вторыхъ, мы могли увезти съ собою самое большее только туши двухъ оленей и въ третьихъ, наконецъ, и самое главное, своею охотой мы могли измѣнить взятое оленями, направленіе, которое должно при-

близить ихъ къ пріюту, а это дало-бы возможность всѣмъ промышленникамъ имѣть хорошій промыселъ.

Избравъ для спуска въ рѣку сѣверный рукавъ Кармакулки или, лучше сказать, ущелье, мы должны были вскорѣ измѣнить свое намѣреніе, такъ какъ наклонныя плоскости снѣжныхъ наметовъ по сторонамъ ущелья представляли отвѣсные обрывы, невозможные для проѣзда и такимъ образомъ намъ пришлось опять подниматься на нашу „Гору Несчастья“ съ сѣверо-западной стороны, откуда спускъ былъ хотя и болѣе скорый, нежели подъемъ, но тѣмъ не менѣе мукъ мы набрались еще болѣе, нежели при подъемѣ. На спускѣ, покрытомъ гладкимъ, крѣпкимъ снѣгомъ рѣшительно не было возможности удерживать сани, даже помощью заостренныхъ кольевъ; сани укатывались впередъ, давя собакъ и, наконецъ, поворачивались обратно, такъ что намъ пришлось выпречь собакъ и спустить сани отдѣльно, придерживая ихъ, кромѣ тормазовъ, сзади еще ремнемъ. Мои пимы, имѣя подъ каблуками по три желѣзныхъ шипа, оказали мнѣ тутъ большую услугу; самоѣды-же въ своихъ пимахъ, имѣющихъ подошву изъ оленьей шкуры шерстью наружу, при направленіи ея назадъ, непрерывно скользили по склону, какъ на лыжахъ, ежеминутно падали и не могли удерживать ни саней, ни собакъ. Кое какъ спустившись въ котловину мы сочли себя какъ бы дома, ибо остальная дорога не представляла большихъ трудностей и шла по постепенно склоняющейся рѣкѣ и озерамъ; поэтому мы дали собакамъ полную волю распорядиться остаткомъ заячьяго мяса, а на мѣстѣ, гдѣ была оставлена нами провизія, мы и себѣ задали маленькій пиръ“. Здѣсь я прерываю разсказъ г. Тягина о дальнѣйшемъ путешествіи его назадъ, разсказъ интересный развѣ своею эпизодическою стороною, и перейду къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ онъ пришелъ послѣ этой неудавшейся попытки перейти Новую Землю.

Г. Тягинъ говоритъ: „изъ этой поѣздки я могъ вынести только нижеслѣдующее:

- 1) При болѣе хорошихъ собакахъ и при запасѣ мяса для нихъ, съ очисткою отъ костей, переѣздъ на восточную сторону острова возможенъ, но только не черезъ горы, а по рѣкамъ и въ промежутки времени отъ $1\frac{1}{2}$ марта до $1\frac{1}{2}$ мая; такъ какъ раньше мало солнечнаго свѣта, а позже можно быть застигнутымъ разливомъ тающихъ снѣговъ и оголившеюся, невозможною для переѣзда какъ на саяхъ, такъ и на колесахъ, каменистою поверхностью земли.
- 2) Хотя горы, озера и долины были покрыты сплошною пеленою снѣга, тѣмъ не менѣе можно было отличить, что видимый

на западномъ побережьи наклонъ пластовъ острова имѣетъ такой-же характеръ и внутри, такъ что острова и кряжи горъ, расположенные преимущественно по меридіану, имѣютъ съ восточной стороны болѣе отлогій видъ, съ западной-же отвѣсные обвалы и весь островъ представляется какъ-бы наклонившимся къ востоку. Въ минералогическомъ отношеніи западная сторона не отличается отъ восточной, такъ какъ на всемъ пространствѣ встрѣчается тотъ-же аспидъ, черный плитнякъ, прожиленный кварцемъ молочнаго цвѣта; въ руслахъ рѣкъ и подъ тундрой—чернаго цвѣта глина и песокъ; часто попадаются тутъ и куски какого-то минерала, хрустальнаго вида, который я, какъ мало знакомый съ минералогіей, относилъ къ кварцамъ, попадающимся на западномъ берегу Бѣлаго моря въ различныхъ цвѣтахъ.

3) Часть Новой Земли, заключающаяся между широтами $72^{\circ} 9'$ и $72^{\circ} 51'$ представляетъ сравнительную низменность. Горы Пуховыя и Гусинныя, соединяясь западными сторонами съ хребтомъ Моллеровскимъ, тянутся къ О-О и, составляя собою копытообразную фигуру, заключаютъ въ ней низменность, склоняющуюся къ востоку.

4) Одновременныя температуры, не смотря на то, что, переваливъ хребетъ Моллера, мѣстность снижается, значительно падали при удаленіи на востокъ.

5) Снѣжныя рытвины и выбоины на горахъ и на восточной сторонѣ показывали, что преобладающій у пріюта О-О вѣтеръ имѣетъ первоначальное свое направленіе отъ О-ста и, судя по глубинѣ выбоинъ на снѣгахъ, можно предположить такую-же ужасную силу его, какъ и на западной сторонѣ острова.

На этомъ я оканчиваю выписки изъ замѣтокъ г. Тягина и перехожу къ третьей неудавшейся попыткѣ пересѣчь Новую Землю лѣтомъ. Попытка эта принадлежала мнѣ и студенту С.-Петербургскаго Университета г. Кривошеѣ. Мы поставили себѣ цѣлью познакомиться съ флорой, фауной и минеральнымъ царствомъ внутренности острова и его восточнаго побережья.

Воспользовавшись тѣмъ свободнымъ для насъ временемъ, пока въ Малыхъ Кармакулахъ строились павильоны и другія приспособленія для веденія метеорологическихъ и магнитныхъ наблюдений, г. Кривошея и я, въ сопровожденіи одного самоѣда, отправились въ горы пѣшкомъ, 5-го августа, держа путь прямо на О-сть, и рассчитывая въ случаѣ удачи нашего предпріятія выйти къ заливу Литке, что на противоположномъ берегу.

Погода стояла чудесная. Было около 5° Ц. тепла.

Съ большимъ трудомъ передвигая ноги по неровной, бугристой поверхности, кой-гдѣ топкой, а мѣстами сплошь испещренной безпорядочно торчащими, острыми плитами шиферного сланца, мы черезъ шесть часовъ безъостановочнаго хода взобрались на вершину первой параллельной гряды Моллерова хребта, довольно отлого поднимающейся съ запада и круто обрывающейся къ востоку въ глубокую котловину, окаймленную съ восточной стороны еще болѣе высокимъ рядомъ крутыхъ горъ. На днѣ котловины, имѣвшей направленіе отъ SSO къ NNW, стремительно низвергался горный ручей. Переваливъ черезъ первую гряду до восточнаго ея склона, мы расположились на часокъ перевести духъ, имѣя въ виду, во что-бы то ни стало, пользуясь лунной ночью, добраться къ утру до вершины втораго, болѣе высокаго ряда горъ. Но намѣренію нашему не суждено было сбыться. Уже раньше мы замѣтили, что ясная доселѣ погода стала хмуриться, а тихій и ровный вѣтерокъ отъ NW сталъ сильно свѣжѣть. Едва же мы расположились на отдыхъ, какъ началъ крупными хлопьями падать снѣгъ, а часъ спустя вся мѣстность скрылась отъ нашихъ глазъ въ непроницаемой снѣжной мглѣ. Идти дальше было немислимо, а потому выбравъ на крутомъ склонѣ горы удобное мѣстечко, нѣсколько защищенное отъ вѣтра, мы расположились здѣсь поджидать лучшей погоды. Кстати и время уже перевалило за полночь.

Забившись плотно за камни и укутавшись въ теплое платье, мы сидѣли погружаясь въ нѣмое созерцаніе по истинѣ величавыхъ, угрюмо-дикихъ красотъ окрестной природы. Пурга время отъ времени прерывалась и тогда взору нашему открывались такіа картины, которыя неизгладимо и на вѣки запечатлѣлись въ душѣ каждаго изъ насъ. Торжественно-безмолвно въ своемъ мрачномъ величій высились вдаль, какъ уголь черныя вершины горъ; межъ нихъ и по долинѣ словно дымъ, клубясь и волнуясь, неслись грозныя тучи. Кой-гдѣ на сѣверныхъ и западныхъ склонахъ горъ бѣлѣлись обширныя снѣжныя поляны. Желтовато-блѣдный свѣтъ луны, прорываясь сквозь тучи, бросалъ на горы и долины какія-то особыя тѣни и придавалъ мрачному колориту ландшафта еще болѣе дикости и невыразимой угрюмости. Ни одинаго слѣда жизни, ни одинаго живаго звука не было слышно; только свистъ вѣтра въ ущельяхъ, да злобѣщій шумъ налетающихъ на насъ одна за другою снѣжныхъ тучъ дополняли этотъ ужасъ картины и болѣзненно какъ-то отзывались въ душѣ...

Ни при какихъ обстоятельствахъ въ жизни сознаніе ничтожества собственнаго бытія не проявлялось у меня такъ осязательно, такъ очевидно, какъ среди этой подавляющей пустынности арктическихъ горъ... Долго еще блуждали наши глаза по этимъ величаво угрюмымъ горамъ и долинамъ, пока, наконецъ, подъ утро не стало клонить насъ ко сну. Устлавъ наше логовище гладкими, мокрыми плитами шифера и прижавшись тѣсно другъ къ другу, мы прилегли чтобы заснуть. На слѣдующее утро, столь же сѣрое и мрачное, какъ и предшествовавшій вечеръ, г. Кривошея отказался идти дальше и повернулъ обратно, домой; я же съ самоѣдомъ отправился дальше на востокъ. Проблуждавъ въ густомъ туманѣ еще нѣсколько дней я также принужденъ былъ безъ успѣха вернуться домой. Результаты этой пятидневной и въ высшей степени утомительной экскурсіи были крайне ничтожны: я собралъ лишь нѣсколько минераловъ, да вынесъ убѣжденіе, что пѣшкомъ и въ лѣтнее время невозможно перейти Новую Землю поперекъ, по крайней мѣрѣ въ томъ направленіи, которое я взялъ.

Теперь обращусь къ главному предмету моего доклада—къ описанію послѣдняго и вполне удавшагося путешествія къ Карскому морю. Удачному исходу этого путешествія способствовало, главнымъ образомъ, особенно благоприятное стеченіе предшествовавшихъ обстоятельствъ.

21 апрѣля въ Малыя Кармакулы прибылъ съ восточнаго берега Новой Земли самоѣдъ Ханецъ Вылки. Изъ разспросовъ у него оказалось, что на восточномъ берегу, въ устьѣ рѣки Савиной, стоитъ самоѣдскій чумъ, въ которомъ живутъ два самоѣдскихъ семейства: одно его, Ханцева, а другое Алексѣя Леткова. Идти на западный берегъ Ханца побудила нужда въ порохѣ. Перспектива голодной смерти, при множествѣ дикихъ оленей кругомъ, заставила двухъ товарищей бросить жребій—кому идти добывать пороху. Имъ было смутно извѣстно, что гдѣ-то на западномъ берегу стоитъ казенный домъ, что въ этомъ домѣ живетъ чиновникъ (разумѣя Тягина) и что тамъ слѣдовательно можно достать пороху. Жребій выпалъ Ханцу, молодому и бравому человѣку. Ханца снарядили и выпроводили изъ чума со слезами и воплями, какъ на смерть. Ему дали три заряда пороху, изъ четырехъ бывшихъ въ чумѣ, двухъ молодыхъ медвѣжатъ, на которыхъ Ханецъ, за неимѣніемъ денегъ, долженъ, былъ вымѣнять пороху, и половину оленьей туши для провизіи.

Усадивъ медвѣжатъ на саночки, запряженные двумя маленькими

собаченками, Ханецъ 14-го апрѣля на ночь пѣшкомъ отправился въ этотъ страшно-рискованный путь, держа направленіе на NNW. На пятый день неимоვნно-труднаго пути, онъ къ вечеру достигъ рѣки Корелки, впадающей въ заливъ Моллера у сѣвернаго Гусинаго Носа. Спустившись въ долину этой рѣки Ханецъ, какъ самъ говорилъ намъ, обоняніемъ почуялъ близость чума, до котораго и добрелъ, руководствуясь чутьемъ, утромъ 20-го апрѣля. На его счастье чумъ въ это время былъ расположенъ у сѣвернаго Гусинаго Носа. Не смотря на сильную усталость, этотъ brave человекъ, помня отчаянное положеніе своего товарища и семьи, въ тотъ-же день вышелъ изъ чума и зная теперь, гдѣ находится казенный домъ, утромъ 21-го апрѣля почти больной прибылъ въ Малыя Кармакуды.

Вотъ то благоприятное стеченіе обстоятельствъ, которое обусловило удачный исходъ моего давно задуманнаго путешествія.

Теперь зная, что на восточномъ берегу много оленей и есть человеческое жильё, можно было уже съ бодрымъ духомъ идти въ это нелегкое путешествіе.

Окончивъ въ два дня свои сборы и уложивъ все на четверо саней, запряженныхъ 22 собаками, я въ сопровожденіи двухъ самоѣдовъ, — упомянутаго Ханца и проживавшаго въ Малыхъ Кармакулахъ Прокопія Вылки, 24-го Апрѣля въ 10¹/₂ часовъ вечера выѣхалъ изъ дому. Для себя и самоѣда провизіи я взялъ на три недѣли; для собакъ-же въ Малыхъ Кармакулахъ я не могъ достать корму, такъ-какъ жившіе здѣсь самоѣды въ это время не имѣли никакого промысла. Поэтому пускаться прямо въ горы было невозможно и я волей-неволей долженъ былъ идти сперва на Гусиную Землю, гдѣ, какъ я слыхалъ, тамошніе самоѣды, въ послѣдніе дни, имѣли хорошій промыселъ морскаго зайца, и уже отсюда, запасшись кормомъ для собакъ, идти далѣе, къ восточному берегу.

Спустившись на ледъ Мало-Кармакульской губы, я пошелъ вдоль берега на югъ. У устья рѣки Кармакулки, впадающей въ губу верстахъ въ 4-хъ отъ станціи, мы замѣтили на берегу, въ полуверстѣ въ сторону отъ нашего пути, самку бѣлаго медвѣдя, съ двумя очень еще малымя, какъ потомъ оказалось, двухнедѣльными медвѣжатами. Медвѣдица завидя насъ тотчасъ же поспѣшно повернула въ горы, но крошечныя дѣти ея, катившіяся у ногъ матери, точно комки снѣга, отставая заставляли и ее замедлять ходъ: медвѣдица ежеминутно останавливалась и оглядывалась, издавая при этомъ особые тревожные звуки. Мой спутникъ Прокопій немедленно спустилъ

по одной собакѣ отъ трехъ саней, которыя, увидя медвѣдицу, стремглавъ полетѣли къ ней и мигомъ догнали её. Также и упряжныя собаки,—лишь только увидѣли медвѣдя,—съ такимъ неистовствомъ бросились съ нами туда-же, что половина вещей повыпала изъ саней, а одни сани, на которыхъ сидѣлъ Ханецъ и вовсе опрокинулись полозьями вверхъ; Ханецъ вылетѣлъ изъ нихъ и далеко отсталъ отъ насъ. Шагахъ въ сотнѣ отъ медвѣдицы мы остановили собакъ и приткнули сани на такъ называемый „хорей“,—длинную палку, которою самоѣдъ управляетъ собаками. Спущенныя-же собаки между тѣмъ не давали ходу медвѣдицѣ: она сидѣла на мѣстѣ, помѣстивъ дѣтей между своихъ переднихъ лапъ, грозно рычала и бросала кругомъ ужасные взгляды. Подошедъ къ ней шаговъ на 20 и давъ на всякій случай одинъ патронъ самоѣду, который, какъ и я, былъ вооруженъ берданкой, я однимъ удачнымъ выстрѣломъ, направленнымъ въ сердце, положилъ ее на мѣстѣ. Смерть была такъ мгновенна, что медвѣдица не успѣла даже задушить собаченки, въ моментъ выстрѣла подвернувшейся какъ-то ей въ лапы. Медвѣжата, увидя материнскую кровь, тотчасъ-же съ жадностью принялись ее пить, ни сколько не обращая вниманія на меня и самоѣда въ это время подошедшихъ къ нимъ. Они были еще такъ малы, что видимо не сознавали ничего, что вокругъ нихъ происходило: можно было ихъ гладить, брать на руки и они нисколько не сопротивлялись, а только жадно тянулись къ горячей крови, широкой струей лившейся изъ груди ихъ матери.

По вскрытіи желудка медвѣдицы оказалось, что онъ былъ наполненъ травою, мхами и вѣточками полярной ивы; все это было тщательно собрано мною; кромѣ того я вырѣзалъ также и желчный пузырь, для химическаго анализа его ядовитаго содержимаго.

Покончивъ съ медвѣдицей и забравъ медвѣжатъ, разумѣется живыми, я повернулъ обратно домой. Медвѣжата тотчасъ-же по внесеніи ихъ въ комнату съ такою поразительною безпечною пріялись кувыряться и играть на разостланной материнской шкурѣ, что можно было-бы думать, что они и родились въ неволѣ. Переночевавъ дома и поручивъ попеченію г. Кривошеи этихъ въ высшей степени миловидныхъ и забавныхъ звѣрковъ, я на другой день къ вечеру отправился опять тѣмъ-же путемъ, по заливу, на Гусиную Землю. Мѣстами, гдѣ не было прибрежныхъ острововъ, Моллеровъ заливъ былъ вскрытъ вплоть до берега и тогда приходилось взбираться на крутой берегъ и по немъ продолжать путь.

Черезъ 14 часовъ безостановочнаго хода частью по заливу, частью

по бугристой и пересѣченной оврагами береговой полосѣ, мы прибыли къ сѣверному Гусиному Носу, въ чумъ самоѣда Ивана Логгея. Давъ здѣсь шестичасовой отдыхъ собакамъ и доставъ вопреки моимъ ожиданіямъ только $\frac{1}{4}$ туши морскаго зайца, я, въ расчетъ на дикихъ оленей, находящихся, по увѣренію самоѣдовъ, не болѣе какъ на день пути отсюда, 27-го апрѣля въ 12 ч. дня выѣхалъ изъ чума, направляясь на юго-востокъ. Черезъ часъ довольно скорой ѣзды по льду Гусиной губы, мы вступили въ устье рѣки Корелки. Погода стояла тихая, прекрасная; температура была—4°; собаки бѣжали весело, игриво и мы довольно скоро подвигались впередъ. На 1-й и 8-й верстахъ вверхъ, Корелка протекаетъ по узкимъ ущельямъ саженей въ 8 высоты; 2-е ущелье было загорожено поперекъ отвѣснымъ снѣжнымъ заносомъ, вслѣдствіе чего намъ пришлось повернуть назадъ и выбирать отлогое мѣсто для подъема на берегъ. Выбравшись на берегъ и проѣхавъ по немъ версты двѣ, мы опять спустились въ русло рѣки; но теперь стало уже очень трудно подвигаться впередъ, ибо на каждомъ шагу встрѣчались такіе крутые заносы, что взбираться на нихъ не было возможности и приходилось ихъ огибать, подымаясь на высокіе берега рѣки. По берегамъ также нельзя было идти, потому что они были пересѣчены глубокими оврагами, вслѣдствіе чего опять приходилось спускаться въ рѣку, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ снова подниматься на берегъ. На 19-й или 20-й верстѣ Корелка почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ; нашъ-же путь лежалъ на юго-востокъ; поэтому мы оставили долину Корелки и вступили въ горы.

Былъ уже вечеръ, и я, поднявшись на высокую гряду, окаймлявшую долину рѣки съ юга, рѣшилъ дать здѣсь измученнымъ собакамъ нѣсколько часовъ отдыха. Отъ 12 ч. дня и до 9 ч. вечера мы проѣхали разстояніе не болѣе 20 верстъ. Поднимаясь на гору мы замѣтили слѣды нѣсколькихъ оленей. Ханецъ увѣрялъ меня, что еще немного далѣе и оленей будетъ множество и что, слѣдовательно, нечего опасаться за собакъ; успокоенный этими увѣреніями, я велѣлъ отдать собакамъ все бывшее у насъ заячье мясо, въ надеждѣ на слѣдующій день кормить ихъ уже охотой. Къ вечеру температура стала замѣтно понижаться и начиналъ подувать сѣверный вѣтерокъ. Поставивъ трое саней въ козлы и накрывъ ихъ захваченнымъ мною, за неимѣніемъ палатки, небольшимъ парусомъ, самоѣды такимъ образомъ устроили мнѣ шалашъ. Лишь только мы расположились и принялись за стряпню, какъ со-

баки вдругъ неистово залаяли. Осмотрѣвшись, мы къ большой нашей радости замѣтили, на вершинѣ одной горы за Корелкой, группу изъ трехъ оленей. Зрѣлище было чудесное. Солнце заходило и послѣдніе лучи его, падая на бѣлыя вершины невысокихъ горъ, освѣщали ихъ чрезвычайно мягкимъ, красновато-фіолетовымъ свѣтомъ. Кой-гдѣ на буграхъ срывались снѣжные вихри. На вершинѣ невысокой горы за Корелкой, шагахъ въ 600 отъ нашего привала, стояла стройная фигура оленя: высоко поднявъ красивую голову, онъ пристально глядѣлъ въ нашу сторону. Судя по небольшимъ рогамъ,—это была самка. Невдалекѣ отъ нея, точно гоняясь за вихрями, прыгали и рѣзвились два другихъ оленя,—вѣроятно взрослые дѣтеныши. Лишь только сорвется вихрь, какъ они тотчасъ-же бросались за нимъ вслѣдъ, исчезали гдѣ-то въ пропасти и чрезъ мгновеніе опять появлялись на другомъ бугрѣ; отсюда снова пускались уже на встрѣчу вихрю, подбѣгали къ матери, на моментъ останавливались и снова исчезали... Было что-то невыразимо прекрасное, глубоко поэтическое въ этомъ ликованіи, въ этой дивной игрѣ съ вихремъ..... Даже угрюмый самоѣдъ и тотъ ухмыляясь сказалъ мнѣ: „смотри, Ваше благородіе, олень съ вѣтромъ играетъ“.—Вскорѣ, однакожь, олени, встревоженные собачьимъ лаемъ и нашимъ говоромъ, вовсе исчезли изъ виду, не давъ намъ и подумать объ охотѣ на нихъ.

28-го апрѣля рано утромъ мы тронулись съ привала. Черезъ два часа ходу по слегка волнистому возвышенному плато, полагая глазомѣрно футъ 450 надъ уровнемъ моря, мы опять спустились въ глубокую долину какой-то рѣки. На крутомъ спускѣ въ эту долину подъ моими санями обломался полозъ и была искалѣчена одна собака. Это обстоятельство задержало насъ часа на три.

Черезъ часть пути по льду этой рѣки, направляющейся, повидимому, къ сѣверу, мы опять взобрались на еще болѣе высокую холмистую возвышенность. Для подъема на нее потребовалось 6^{1/2} часовъ времени. Черезъ два часа ѣзды по этой возвышенности мы очутились опять у широкой долины рѣки Бѣлужьей. Спускъ былъ очень крутой и при томъ глубокій. Это была самая глубокая долина на всемъ нашемъ пути. Рѣка, а вмѣстѣ съ нею и долина, имѣютъ первоначальное направленіе отъ юго-востока, затѣмъ, образовавъ колѣно, поворачиваютъ на юго-западъ.

Спустившись въ долину и проѣхавъ по гладкой поверхности рѣки верстъ 10, я долженъ былъ однакожь вскорѣ оставить рѣку и опять взбираться на хотя и не очень крутую, но за то довольно высокую возвышенность, окаймлявшую долину съ юга. Я оставилъ

рѣку потому, что далѣе вверхъ она протекаетъ по узкимъ ущельямъ, занесеннымъ снѣгами.

Въ мѣстѣ, гдѣ я покинулъ Бѣлужью рѣку, судя по обширности долины и разстоянію между крутыми берегами, она принимаетъ съ правой стороны, прямо съ сѣвера, значительный притокъ.

Обнаженные склоны возвышенностей, обращенные къ Бѣлужьей рѣкѣ, свидѣлствуютъ, что SO вѣтры имѣютъ еще и здѣсь ужасную силу. Да и вообще нужно сказать, что во все время двухдневнаго пути, кромѣ глубокихъ и твердыхъ снѣжныхъ наносовъ въ благопріятныхъ для того мѣстностяхъ, вся мѣстность была покрыта очень неглубокими снѣгами; а во многихъ мѣстахъ приходилось даже огибать совершенно безснѣжныя поляны.

Поднявшись на противоположную возвышенность Бѣлужьей рѣки и пройдя по замѣтно снижающейся къ югу холмистой возвышенности часа три я принужденъ былъ остановиться на ночлегъ. Въ этотъ день мы шли 15 часовъ, сдѣлавъ лишь одну остановку на томъ мѣстѣ, гдѣ у меня сломались сани. Собаки были страшно изнурены и вдобавокъ нечѣмъ было ихъ покормить, ибо оленей, къ общему нашему удивленію, и слѣдовъ не было замѣтно. Температура въ этотъ день съ самаго утра все падала и къ вечеру дошла до -20° .

Я, не смотря на теплый самоѣдскій костюмъ, въ эту ночь ужасно продрогъ: шалашъ мой, въ который можно было всунуть только голову и плечи, мало защищалъ отъ вѣтра, вдобавокъ былъ еще и дырявый. Давъ собакамъ 8 часовъ отдыха, 29-го апрѣля въ 6 часовъ утра мы двинулись дальше. Собаки не ѣли ничего уже 35 часовъ и притомъ почти у всѣхъ окровавились лапы. Дорога шла по холмистой мѣстности, террасообразно возвышавшейся къ сѣверу, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись отдѣльные конусообразныя вершины возвышенностей, называемыхъ самоѣдами сопками. Восточные склоны этихъ сопокъ были совершенно обнажены отъ снѣга. Въ 9 часовъ утра мы спустились въ глубокую долину, окруженную съ юга и запада крутыми обрывами, а съ сѣвера и востока отлогими холмами. Здѣсь мы нашли озеро, изъ котораго, какъ оказалось, и вытекаетъ р. Бѣлужья. Судя по очертанію невысокихъ, но скалистыхъ береговъ этого озера, оно должно имѣть четырехугольную форму и въ окружности около 8 верстъ.

Къ большому огорченію моему, я не могъ, за неимѣніемъ барометра, произвести хотя приблизительную нивелировку проходящихъ мѣстъ и принужденъ лишь гадательно, на глазъ опредѣлять

высоты; думаю, что озеро лежитъ футъ на 200 надъ уровнемъ моря.

Проѣхавъ озеро я замѣтилъ, что съ восточной его стороны берутъ начало еще двѣ рѣки. Изъ юго-восточнаго угла начинается, какъ говорилъ мнѣ самоѣдъ, рѣка Нехватова, съ низовьевъ которой ему не разъ приходилось доходить до этого озера, а изъ сѣверо-восточнаго угла идетъ протокъ къ другому озеру, имѣющему овальную форму и изъ котораго беретъ начало какая-то рѣка, идущая уже къ Карскому морю.

Второе озеро лежитъ отъ перваго верстахъ въ пяти и въ окружности имѣетъ около 6 верстъ.

Оба озера имѣютъ одну общую долину. Поднявшись на возшенность, окружавшую долину съ востока, я увидѣлъ, что дальше къ востоку, насколько только можетъ видѣть глазъ, мѣстность представляетъ совершенную равнину и только очень далеко, еле-еле обрисовываясь въ туманной дали, виднѣлась высокая коническая вершина.

Ханецъ сказалъ, что сопка эта стоитъ у самаго Карскаго моря. Начиная отъ озеръ по направленію на SSO, въ глаза бросалась рѣзкая перемѣна въ состояніи снѣговъ: снѣгъ отсюда сталъ глубокъ и рыхлъ и хотя дорога стала ровнѣе, но идти по глубокому снѣгу было несравненно труднѣе. Несчастныя собаки до того выбились изъ силъ, что ежеминутно то та, то другая падали въ изнеможеніи и только ужасными побоями удавалось еще заставлять ихъ плестись дальше. Оленьихъ слѣдовъ и здѣсь не было замѣтно и я началъ сильно тревожиться за собакъ. Вскорѣ одна изъ самыхъ крупныхъ собакъ упала и уже никакими побоями нельзя было ее поднять. Несчастливая до того изнемогла, что даже по освобожденіи изъ упряжи она осталась лежать на мѣстѣ и не въ состояніи была слѣдовать за нами. Потерявъ надежду на оленей, я принужденъ былъ взять на сани больную собаку съ тѣмъ, чтобы на привалѣ хоть немного поддержать ея мясомъ силы другихъ собакъ.

Съ величайшими усиліями подвигаясь впередъ, теперь уже по совершенно ровной мѣстности, къ вечеру мы вступили въ русло небольшой рѣчки, направляющейся какъ разъ по нашему пути SSO.

Ханецъ объявилъ мнѣ, что эта рѣка приведетъ насъ къ чуму, т. е., что это и есть рѣка Савина. Рѣка протекаетъ повидимому по тундристой мѣстности и имѣетъ едва замѣтные низменные берега, которые однакожъ по мѣрѣ приближенія къ морю дѣлались все выше и круче и состояли изъ такого-же шифернаго сланца, какъ

и берега рѣкъ, текущихъ на западъ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ по этой рѣкѣ, мы принуждены были остановиться на привалъ, ибо всѣ собаки попадали и не могли идти дальше.

Жалко было смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ, изнуренныхъ голодомъ и непомѣрнымъ трудомъ, да еще къ тому-же съ изодранными лапами. Собаки были такъ измучены, что несмотря на болѣе нежели двухсуточный голодъ, онѣ не надоѣдали намъ, когда мы согрѣвали себѣ пищу, а сбившись въ тѣсную кучу молча лежали подлѣ и, покрытыя инеемъ, дрожали.

Я хотѣлъ было худшихъ собакъ убить и покормить ими лучшихъ, но самоѣды не совѣтовали этого дѣлать, ибо по опыту знали, что собака скорѣе погибнетъ съ голоду, нежели будетъ ѣсть собачье-же мясо.

Утромъ 30-го апрѣля пошли дальше. Еще ночью, къ довершенію бѣды, поднялся свѣжій N вѣтеръ съ метелью. Температура пала до -25° .

Въ 12 часу, слѣдуя по рѣкѣ, мы увидѣли на берегу 4-хъ оленей. Оставивъ собакъ подъ надзоромъ Ханца, я съ Прокопіемъ пошелъ къ оленямъ. Кой-гдѣ ползкомъ, а гдѣ скрываясь за снѣжными сугробами, мы подобрались къ нимъ шаговъ на 100. Я выстрѣлилъ первый, а вслѣдъ за мною самоѣдъ; но къ ужасу нашему пули пролетѣли мимо. Олени подняли головы и стали всматриваться въ нашу сторону. Къ счастью, метель и противный намъ вѣтеръ не доносилъ до нихъ звуковъ выстрѣловъ, которые къ тому-же на большомъ морозѣ слышатся вообще слабѣе. Мы выстрѣлили по другому неудачному разу; но олени и послѣ этого не убѣжали, а только удивленно смотрѣли на насъ и помахивали головами. Наконецъ, видя себя обнаруженными, мы высунулись изъ-за сугроба во весь свой ростъ и стали второпяхъ посылать въ нихъ пуля за пулей и олени все-таки не двигались съ мѣста, пока, наконецъ, одиннадцатой пулей я не перебилъ рога у одного изъ нихъ. Тогда олень быстро повернулся и красивой рысью побѣжалъ отъ насъ, часто оглядываясь; вслѣдъ за нимъ побѣжали и прочіе.

Положеніе наше было очень скверное, ибо гибель собакъ была неизбежна. Уже олени были далеко внѣ вѣрнаго выстрѣла, какъ Прокопій въ отчаяніи прицѣлился и, къ неописанной радости, самый большой олень какъ снопъ рухнулъ на землю. Съ паденіемъ его остановились и прочіе. Мы побѣжали еще впередъ и стали стрѣлять въ остальныхъ; тутъ опять Прокопію удалось одною пу-

лей тяжело ранить двухъ рядомъ стоявшихъ оленей, которые тотчасъ же во весь духъ бросились бѣжать; однакожь вскорѣ изнемогли и собаки, которыхъ догадливый Ханецъ спустилъ, лишь только замѣтилъ, что олени были ранены, безъ труда догнали ихъ и придержали, пока Прокопій ножомъ не покончилъ съ ними.

И такъ, собаки были спасены.

Причину столь неудачной стрѣльбы, которая могла имѣть гибельныя послѣдствія для собакъ, я объясняю тѣмъ, что какъ у меня, такъ и у самоѣда уже день тому назадъ какъ воспалились глаза; пришлось стрѣлять въ синихъ очкахъ, что очень неудобно; кромѣ того 25° холодъ, при пронзительномъ вѣтрѣ съ метелью, не давалъ возможности держать ружья какъ слѣдуетъ: пальцы прилипали къ желѣзу, а отъ вѣтра моментально коченѣли; да и пуля при сильномъ вѣтрѣ даетъ большое отклоненіе.

Накормивъ собакъ вволю, мы немедля двинулись дальше. По рѣкѣ уже нельзя было продолжать путь, ибо отвѣсныя шиферные берега ея стали уже высотой до трехъ саженой и были завалены не ровными заносами. Кстати рѣка тутъ поворачиваетъ прямо на югъ и слѣдовательно, до чума можно было пройти болѣе короткимъ путемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ меня увѣрялъ Ханецъ. Выбравшись на берегъ, мы оставили рѣку и пошли по компасу на SSO. Къ вечеру вѣтеръ стихъ, но взамѣнъ его стала надвигаться на насъ отъ О-ста густая туманная мгла.

По нашему расчету мы должны быть въ чумѣ еще вчера, т. е. на четвертый день по выходѣ со станціи; однакожь вотъ уже 5-й день на исходѣ, а до чума еще не добрались. Медленно подвигаясь впередъ, мы прошли поперекъ какую-то рѣчку; Ханецъ же говорилъ, что до чума уже не встрѣтимъ болѣе никакой рѣки, а только не доходя 2-хъ верстъ до него мы опять вступимъ въ Савину рѣку. Это противорѣчіе, въ связи съ ложностью многихъ прежнихъ его увѣреній, заставили меня подумать, что онъ сбился съ пути. Подвигаясь все далѣе, мы скоро вступили еще въ какую-то рѣку, но не Савину однакожь. Прошедъ по ней версты двѣ и выбравшись на крутой обрывъ другаго берега ея, я рѣшилъ здѣсь сдѣлать послѣдній привалъ съ тѣмъ, чтобы на утро какъ можно поспѣшнѣе идти обратно къ Гусиной землѣ.

Я теперь уже не сомнѣвался, что мы сбились съ пути. Продолжать-же свои блужданія по безвѣстной, мрачной пустынѣ съ цѣлью отысканія чума было невозможно, вслѣдствіе изнеможенія собакъ и полнѣйшаго отсутствія какихъ либо признаковъ оленей.

Въ 11 часовъ ночи холодъ дошелъ до -27° и палъ густой туманъ. Никакое платье при такомъ холодѣ не можетъ избавить отъ дрожи, въ особенности на остановкахъ при отсутствіи движенія. Кромѣ того шерсть на совицѣ и малицѣ отъ холода и тумана сильно индевѣетъ, а это въ высшей степени непріятно, когда, съ цѣлью согрѣться, втянешь голову внутрь малицы: иней отъ дыханія таетъ и тогда чувствуется мокрота и холодная сырость даже въ самой малицѣ. Такимъ образомъ остановки вмѣсто необходимаго отдыха были намъ только въ тягость.

Послѣднія дрова вышли у насъ, несмотря на крайнюю экономію, еще вчера вечеромъ, такъ что уже сегодня днемъ мнѣ пришлось отвѣдать сырой свѣжей оленины. Хотя у меня и былъ достаточный запасъ консервовъ, хлѣба и жаренаго мяса, но на холодѣ все это такъ промерзло, что при попыткѣ отрѣзать чего либо ножомъ все крошилось въ порошокъ. Сырая-же оленина, даже и мерзлая, рѣжется хорошими ломтями, поэтому мнѣ пришлось и на теперешнемъ привалѣ ужинать ею-же. Это еще было бы ничего, но невозможность согрѣть чаю составляла для меня рѣшительное бѣдствіе. Въ этотъ день у меня и у обоихъ спутниковъ моихъ распухли лица и въ особенности губы, вслѣдствіе того, что во время пути для облегченія собакъ приходилось часто идти пѣшкомъ и въ усталости утомлять жажду снѣгомъ. Кромѣ того еще раньше у Прокопія и у меня, не смотря на синія очки, явилась неизбѣжная свѣтобоязнь. При такихъ обстоятельствахъ продолжать идти дальше было невозможно и я рѣшилъ на утро, бросивъ двое саней и отобравъ лучшихъ собакъ, гнать ихъ до тѣхъ поръ, пока они вовсе не падутъ, а затѣмъ какъ нибудь добираться до Гусиной земли пѣшкомъ. Опасеніе быть застигнутымъ ожидаемою въ скоромъ времени ужасною на Новой Землѣ восточною вьюгой, окончательно утвердило меня въ рѣшеніи возвратиться домой.

Вышло однакожь иначе. Утромъ, когда мы еще лежали и зябли, собаки подняли неистовый гвалтъ. Мы стали всматриваться, но въ туманѣ ничего нельзя было различить; судя по лаю и тяжелому хрусту снѣга мы подумали, что идетъ ошкуй — бѣлый медвѣдь. Приготовились къ встрѣчѣ. Хрустъ сталъ явственнѣе и ближе... Наконецъ, стала обрисовываться въ туманѣ какая-то фигура — не то ошкуй, не то человѣкъ... Еще нѣсколько мгновеній и къ восторгу нашему, то оказался самоѣдъ Алексѣй Летковъ, товарищъ Ханца. Алексѣй шелъ изъ чума къ своему складу оленьеяго мяса, добытаго

еще осенью, когда оленей было особенно обильно и зарытаго въ снѣгъ какъ запасъ, на случай недостатка въ порохѣ. Собачій лай заставилъ его, разумѣется, повернуть къ намъ, благодаря чему мы благополучно и прибыли въ его чумъ, стоявшій отсюда въ 4-хъ верстахъ. На первый вопросъ мой объ оленяхъ Летковъ сообщилъ мнѣ, что оленей дѣйствительно было множество, но не болѣе какъ недѣлю назадъ они перешли отсюда куда-то на сѣверо-западъ.

Не желая злоупотреблять вниманіемъ читателей, я не буду распространяться здѣсь о весьма интересныхъ сторонахъ образа жизни новоземельскаго оленя и объ его періодическихъ передвиженіяхъ. Скажу лишь, что этими передвиженіями обусловливается средоточіе въ томъ или другомъ мѣстѣ Новой Земли всей сухопутной животной жизни. Тутъ-же, хотя и не у мѣста, я замѣчу, что есть основаніе предполагать существованіе на Новой Землѣ двухъ видовъ сѣвернаго оленя: одного, обитающаго преимущественно на южномъ островѣ, и другаго, по описанію промышленниковъ сходнаго со Шпицбергенскимъ, обитающаго исключительно на сѣверномъ островѣ и никогда несмѣшивающагося съ первымъ видомъ. Наши старанія добыть оленя съ сѣвернаго острова не имѣли успѣха, а потому я и ограничиваюсь лишь этимъ предположеніемъ, которое, если бы подтвердилось, имѣло бы несомнѣнное значеніе для науки землевѣдѣнія.

Опасаясь затянуть докладъ, я не буду описывать и своего пребыванія на восточномъ берегу Новой Земли, а позволю себѣ сдѣлать теперь нѣкоторыя общія замѣчанія и выводы, къ которымъ я пришелъ послѣ четырехъ своихъ экскурсій на Новой Землѣ, выводы касательно топографіи и орографіи южнаго острова. Кромѣ личныхъ поѣздокъ, основаніемъ для выводовъ послужили мнѣ еще слѣдующія данныя, а именно: отчеты Пахтусова, Цивольки, и Моисѣева; профессоровъ Норденшельда и Гёффера, сочиненіе Свенске, рукописный трудъ г. Тягина, а также разспросныя свѣдѣнія отъ поморовъ и самоѣдовъ.

Горный хребетъ южнаго острова Новой Земли, начинаясь весьма незамѣтно съ самаго юго-восточнаго угла его, тянется вдоль всего острова и по мѣрѣ удаленія къ сѣверу, становится все выше и круче и у Маточкина Шара достигаетъ уже до четырехъ тысячъ футовъ высоты.

Южный островъ Новой Земли по характеру мѣстности можно раздѣлить на три равныя части.

Первая, самая сѣверная и самая высокая, начинаясь отъ Ма-

точкина Шара и кончаясь долиной рѣки Пуховой, представляет собою группы отдѣльных горныхъ вершинъ, разбросанныхъ повидимому безъ всякой правильности во всю ширину этой части острова. Рѣка Пуховая, впадающая въ одноименную губу и составляющая южную границу упомянутой части, имѣетъ, по словамъ промышленниковъ и самоѣдовъ такое направленіе вверхъ: она идетъ сперва прямо на востокъ, верстъ на 20, а затѣмъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверу и, пройдя въ этомъ направленіи верстъ десять, беретъ начало изъ небольшого озера, которое протокомъ соединяется съ другимъ озеромъ, а это послѣднее отдаетъ отъ себя еще рѣку, направляющуюся къ Карскому морю. Такимъ образомъ водораздѣлъ этой части находится не далѣе 25 верстъ отъ западнаго берега.

Вторая наиболѣе извѣстная намъ часть острова, заключающаяся между долинами Пуховой рѣки съ сѣвера и долиной рѣкъ: Корелки и Бѣлужей—съ юга, имѣетъ уже иной характеръ. Въ этой части горный хребетъ какъ-бы суживается, причемъ отдѣльныя горы, его составляющія, расположены уже съ замѣтною правильностью: хребетъ тутъ состоитъ изъ 5 или 6-ти параллельныхъ грядъ, отдѣленныхъ одна отъ другой глубокими долинами, содержащими нерѣдко фирновые снѣга. Горы здѣсь значительно ниже, нежели въ предъидущей части: самая высокая вершина не превышаетъ 800 футовъ.

Въ обѣихъ упомянутыхъ частяхъ горы тянутся близъ самаго берега, оставляя лишь узкую береговую полосу, среднимъ числомъ до двухъ верстъ ширины, отвѣсно обрывающуюся къ морю; совершенно отвѣсные прибрежные утесы въ этихъ двухъ частяхъ превышаютъ иногда 100 футовъ высоты. Изъ рѣкъ въ средней части западной половины острова нужно упомянуть слѣдующія:

Большая Кармакулка,—она начинается по предположенію Тягина изъ озера, лежащаго верстахъ въ 30 отъ западнаго берега, и течетъ первоначально на юго-западъ; какъ протекаетъ средняя часть неизвѣстно; что-же касается ея низовьевъ, то тутъ я могу сообщить, что Большая Кармакулка вверхъ версты на полторы расширяется въ озеро, окружность до двухъ верстъ и затѣмъ еще черезъ версту опять расширяется въ озеро-же, нѣсколько больше перваго; еще далѣе, судя по направленію долины, Большая Кармакулка течетъ прямо съ востока. По предположенію Тягина, водораздѣлъ въ этой части острова отстоитъ отъ западнаго берега верстъ на 30; такъ думаю и я.

Вторая рѣка — Малая Кармакулка — уже упомянута мною при

описаніи путешествія Тягина, такъ же какъ и третья значительная рѣка средней части острова — Корелка, о которой я говорилъ при описаніи своей поѣздки.

Горный хребетъ этой части тянется узкою полосой верстъ на 30 ширины и, направляясь далѣе къ сѣверу, расширяется до того, что заполняетъ горами всю сѣверную часть южнаго острова.

Третья, самая южная часть Новой Земли ограничивается съ сѣвера долинами рѣкъ Корелки, сѣверной половиной Бѣлужьей съ озеромъ и рѣкою Савиной, а съ юга граничитъ Карскими воротами и Ледовитымъ океаномъ. Эта часть рѣзко отличается отъ двухъ другихъ и представляетъ собою скорѣе плоскую возвышенность, нежели гористую область. Такое впечатлѣніе производитъ эта часть и когда бросишь на нее взглядъ съ моря и когда проникнешь внутрь ея.

Эту часть очень удобно можно въ свою очередь раздѣлить еще на три части, а именно: на такъ называемую Гусиную Землю, затѣмъ область между рѣками Бѣлужьей и Нехватовой и, наконецъ, третью, представляющую юго-восточный уголъ острова.

Что касается первой части, т. е. Гусиной Земли, то я здѣсь долженъ нѣсколько распространиться въ виду разнорѣчивыхъ свѣдѣній объ ней. Свенске такъ описываетъ Гусиную Землю: „Къ сѣверу отъ острова Подрѣзова, мореплаватель встрѣчаетъ пространную полосу земли, выдающуюся въ море въ видѣ выступа, около 150 верстъ, а по Крестинину 200 верстъ въ длину, 20 верстъ въ ширину, у подошвы горъ, которыя, простираясь отъ юга къ сѣверо-востоку, почти непрерывной обрывистою скалой замыкаютъ собою эту равнину. Названіе ея Гусиная Земля. Она очень низка — не болѣе 2—3 сажень выше уровня моря. Южный ея конецъ у сѣвернаго входа въ Костинъ Шаръ, называется южнымъ Гусинымъ Носомъ или мысомъ Подрѣзова, а сѣверный — Сѣвернымъ Гусинымъ Носомъ“.

Къ этому описанію я еще прибавлю, что и на картахъ изданія Гидрографическаго Департамента горы вычерчены горизонталями у самого берега. Проѣзжая самъ по сѣверной части Гусиной Земли я не видѣлъ нигдѣ, чтобы горы, замыкающія по Свенске эту область съ востока, гдѣ-либо обрывались непрерывною обрывистою скалою; напротивъ того, горы весьма отлого и постепенно возвышаются до высоты 250 или 300 футъ и имѣя направленіе то самое, какъ говоритъ Свенске, къ сѣверу отъ рѣки Корелки, т. е. уже внѣ предѣловъ этой области, начинаютъ рѣзко повышаться и идутъ не далѣе какъ на версту отъ берега.

Изъ разспросовъ у самоѣдовъ оказывается, что горы и далѣе на югъ все понижаются и дѣлаются еще болѣе отлогими. На основаніи только что сказаннаго я позволю себѣ сдѣлать такое опредѣленіе границъ этой области: съ сѣвера Гусиную Землю ограничиваютъ заливъ Моллера и долина рѣки Корелки, съ юга большая губа Бѣлужья; съ востока глубокая долина рѣки Бѣлужьей и съ запада Ледовитый Океанъ.

Въ подтвержденіе своихъ замѣчаній о Гусиной Землѣ я привожу описаніе ея профессора Норденшильда.

„Гусиною Землею“, говоритъ профессоръ Норденшильдъ, „называется низменная береговая полоса, покрытая травой и множествомъ маленькихъ озеръ; она представляетъ выступъ Новой Земли между $72^{\circ}10'$ и $71^{\circ}30'$ сѣверной широты. Свое названіе она получила отъ несмѣтныхъ стай гусей и лебедей“... „Хотя Гусиная Земля издали кажется ровною и низменною, тѣмъ неменѣе отъ береговъ почва мало по малу подымается волнообразно до равнины, покрытой травой, усѣянной мелководными озерами, возвышенной почти на 60 метровъ надъ уровнемъ моря. Эта равнина почти всюду къ морю спускается крутымъ уступомъ вышиною отъ 3 до 15 метровъ. У подошвы этого уступа зимою образуется глубокій снѣжный заносъ, растаивающій очень поздно. Здѣсь нѣтъ ни настоящихъ ледниковъ, ни валуновъ, которые могли бы указывать на инныя обстоятельства въ давнія времена. Снѣжныхъ горныхъ вершинъ съ моря не видно. Можно въ извѣстное время года проплыть подъ парусомъ изъ Норвегіи до Новой Земли, охотиться тамъ и вернуться обратно въ Норвегію не встрѣтивъ на пути ни льдовъ, ни снѣга. Это обстоятельство, относящееся исключительно къ низменной части южнаго острова, свидѣтельствуетъ, насколько ошибочны вообще представленія о климатическихъ условіяхъ Новой Земли.“

Уже въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, большая часть Гусиной Земли свободна отъ снѣга и вскорѣ, въ нѣсколько недѣль, развивается арктическій міръ во всей своей красѣ. Сухія, благоприятно расположенныя мѣста покрываются ковромъ цвѣтущей низкой травы, не закрываемой кустами. На сырыхъ мѣстахъ встрѣчаются поляны, кажушіяся издали веселыми зелеными лугами“.

Другая область южной трети острова ограничивается съ сѣвера, востока и запада долинами рѣкъ Бѣлужьей и Нехватовой и Костинымъ Шаромъ съ юга.

Эта часть представляетъ замѣтно бугристую возвышенность, изборожденную глубокими оврагами и ущельями. Она есть самое

высокое мѣсто всей южной трети острова; когда я ѣхалъ по возвышенности, окаймляющей Бѣлужью долину съ юга, то налѣво, т. е. къ сѣверу отъ этой долины, явственно видны отдѣльныя вершины, повидимому довольно правильно расположенныя по меридіану; направо-же (къ югу) не было видать ни одной выдающейся вершины и вся мѣстность отсюда замѣтно снижалась къ югу. Высота горъ не превышаетъ здѣсь 450 ф., здѣсь же протекаютъ самыя большія и полноводныя рѣки всего южнаго острова, это: Бѣлужья и Нехватова. Считаю не лишнимъ замѣтить, что по Свенске горы у Нехватовой рѣки достигаютъ до 2000 футъ; не отрицая, что близъ низовьевъ рѣки горы можетъ быть и выше нежели въ верховьяхъ ея, однакожь для меня кажется невѣроятной такая высота горъ въ южной трети острова.

Послѣдняя треть южной части острова заключается между рѣками Савиной съ сѣвера, Нехватовой съ запада, Ледовитымъ Океаномъ и Карскими воротами съ юга и Карскимъ моремъ съ востока. Это самая низменная часть всего южнаго острова. Когда выберешься на весьма отлогую возвышенность восточнаго края озерной долины и бросишь взглядъ на юго-востокъ, то глазу открывается на необозримое пространство одна печальная свѣжняя равнина, гдѣ нѣтъ уже и признака бугровъ или холмовъ, а замѣчается лишь волнистость, весьма незамѣтно снижающаяся къ востоку и юго-востоку.

По всему берегу южной трети острова, прибрежные утесы, по свидѣтельству Пахтусова, рѣдко попадаются выше 5 или 6 саженей.

„По восточному берегу, начиная отъ мыса Меншикова до рѣки Казакова, берегъ склоняется къ водѣ низменною покатостью, состоящею изъ мелкаго насыпнаго аспіда, куски котораго, обтираясь отъ буруновъ, принимаютъ видъ эллипсоидныхъ пластинокъ. Хребетъ отдаленныхъ горъ на этомъ пространствѣ незначительной высоты и ровный, безъ отличительныхъ вершинъ. Отъ рѣки Казакова берегъ уже начинается утесистый; далѣе къ сѣверу около мыса Гессенъ горы возвышаются уже до 500 футъ, а у залива Литке достигаютъ 800 ф. Вершины горъ и разсѣлины удерживаютъ снѣгъ во все лѣто. Далѣе къ сѣверу—горы той-же высоты, но болѣе мрачнаго вида“.

Какъ видно изъ этого описанія восточнаго берега, принадлежащаго подпоручику Пахтусову, этотъ берегъ отъ мыса Гессенъ становится гористымъ.

Сопоставляя это описаніе съ раньше приведеннымъ мною описаніемъ Тягина мѣстности внутри острова, лежащей на одной парал-

лели съ заливомъ Литке, не трудно придти къ заключенію, что горный хребетъ южнаго острова, протягиваясь по западному берегу вплоть до Маточкина Шара, здѣсь какъ-бы поворачиваетъ къ восточному устью его и идетъ далѣе по восточному берегу на югъ, постепенно понижаясь. Такимъ образомъ внутренняя часть южнаго острова Новой Земли представляетъ сравнительно обширную равнину, окруженную съ юга, запада, сѣвера и сѣверо-востока горами, а съ юго-востока открытую къ Карскому морю. Переваливъ водораздѣлъ острова, я также замѣтилъ, что равнина на одинъ день пути отъ него слегка понижается по направленію къ востоку; затѣмъ далѣе, по мѣрѣ приближенія къ Карскому морю, она незамѣтно начинаетъ повышаться. Это возвышеніе идетъ весьма незамѣтно и постепенно и примѣтно лишь потому, что весьма отлогіе берега рѣкъ, текущихъ на востокъ, по мѣрѣ приближенія къ Карскому морю, постепенно становятся выше, а у самаго моря они достигаютъ уже саженой десяти отвѣсной высоты. Рѣки восточной половины острова, какъ это наблюдалъ Тягинъ съ высоты водораздѣла и какъ потомъ убѣдился также и я, имѣютъ преимущественно юго-восточное направленіе.

Вышеописанное расположеніе горъ имѣетъ несомнѣнное вліяніе на нѣкоторыя весьма интересныя метеорологическія явленія южнаго острова, но объ этомъ къ другой разъ.

4-го мая, послѣ двухдневнаго отдыха въ чумѣ, я собрался въ обратный путь. Пока самоѣдъ готовился въ дорогу, я взобрался на холмъ, у подножія котораго стоялъ чумъ; съ вершины его можно было на далекое разстояніе прослѣдить разстилавшуюся предъ моими глазами обширную полынью Карскаго моря, по которой тамъ и сямъ плавали ледяныя поля; только очень далеко на горизонтѣ, чуть бѣлѣясь, тянулась сплошная, тонкая полоса, показывавшая, что далѣе на востокъ море закрыто. Свѣтло-фіолетовая дымка морскихъ испареній, клубившаяся на сѣверо-востокъ, показывала, что въ этомъ направленіи море было открыто еще дальше, за предѣлы видимаго горизонта.

Въ 9 часовъ вечера я съ однимъ Прокопіемъ отправился въ обратный путь. Теперь у насъ было трое саней и 16 собакъ. Сани были нагружены двѣнадцатью оленьими полутушами.

Съ грустью я принужденъ былъ разстаться съ коллекціей минераловъ, собранныхъ мною у Карскаго моря и по пути сюда. Но имѣя отъ г. начальника метеорологической станціи порученіе привезти съ собою какъ можно болѣе оленьяго мяса, такъ какъ на станціи запасъ мяса истощился еще въ февралѣ, я не считъ себя

въ правѣ обременять собакъ не только коллекціями, но и собственной персоной, и пошелъ пѣшкомъ, захвативъ въ карманы лишь столько минераловъ, сколько могъ вмѣстить не обременяя себя.

На третій день къ вечеру мы достигли озеръ. Съ возвышенности, окружавшей долину озеръ, предъ нами открылось удивительное зрѣлище. Въ горахъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ, бушевала буря, вокругъ насъ-же стоялъ мертвый штиль. Вѣтеръ, вздымая распыленный снѣгъ, крутилъ его въ горахъ и высоко надъ ними. Горы были словно въ дыму. Склонившееся къ западному горизонту солнце, просвѣчиваясь сквозь снѣжную пыль, озаряло горы красновато-багровымъ свѣтомъ и придавало картинѣ особенно величественную прелесть. Спустившись въ долину, мы не посмѣли идти дальше и рѣшили здѣсь переждать бурю. Выбравъ удобное мѣсто, мы вырыли въ снѣгу неглубокую яму и, прикрывъ ее парусомъ, залегли здѣсь на ночлегъ. Буря насъ одкакожь не коснулась, а къ утру стихла и въ горахъ. На другой день часу въ 12, когда мы спустились въ долину Бѣлужьей рѣки, поднялась снова метель отъ N, однакожь не сильная, такъ что мы безпрепятственно могли продолжать свой путь. 8-го мая ночью мы прибыли въ чумъ Логгея на сѣверномъ Гусиномъ Носу. Я рѣшилъ дать здѣсь себѣ и собакамъ двухдневный отдыхъ. Однакожь утромъ 9-го мая я замѣтилъ, что характерное предъ О вьюгой расположеніе облаковъ предвѣщало въ скоромъ времени бурю. Опасаясь, что буря продолжитъ меня въ чумѣ долѣе положеннаго срока отдыха, я въ этотъ-же день утромъ поспѣшно двинулся домой.

Опасенія мои оказались не напрасны: въ 5 ч. вечера мы прибыли на станцію, а въ 9—домикъ нашъ уже содрогался отъ страшныхъ порывовъ полярной вьюги!...

Отдѣльно отпечатано изъ Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XIX.

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 200

ПОЛКА 4

№ 372